

Е.Ю. Мамонова*

**АПОЛЛОНИЧЕСКИЙ И ДИОНИСИЙСКИЙ ВАРИАНТЫ
МОТИВА «ВТОРОГО РОЖДЕНИЯ»
В РОМАНЕ ГЕРМАНА ГЕССЕ «ПОД КОЛЕСАМИ»**

Роман «Под колесами» („Unterm Rad“) [1] Герман Гессе пишет перед переездом из Базеля в Гайенгофен, небольшую деревушку на берегу Боденского озера в Южной Германии, во время краткого пребывания у родителей в Кальве. Таким образом, это произведение становится для Гессе в определенном смысле повторным переживанием детства. Роман выходит в свет в 1904 г. в газете „Neue Züricher Zeitung“, повторив успех «Петера Каменцинда» (1903). Книжное издание «Под колесами» датируется 1905 г. и принадлежит Самюэлю Фишеру [2].

В литературной критике этот роман часто соотносится с произведениями жанра «школьной литературы». Подобная позиция характерна, в частности, для Вальтрауда Вара Венде [3], Петера Гротцера [4], Пауля Могга [5] и Йохана Клауса [6]. Петер Гротцер в специально посвященном «второму рождению» (zweite Geburt) исследовании в главе „Untergang und Aufschwung in zwei Romanen von Hermann Hesse“ (Падение и взлет в двух романах Германа Гессе) рассматривает два произведения писателя – «Под колесами» и «Демиян» (1919): «Ганс Гибенрат гибнет, поскольку не находит себя. При этом речь идет о случае, на основе которого нельзя делать обобщений. Иначе обстоит дело в „Демияне – истории юности Эмиля Синклера“. <...> У Ган-

* © Е.Ю. Мамонова, Пермский государственный университет, 2006.

са Гибенрата рай детства отнимают отец и учителя. Эмиль Синклер сам допускает ошибку, осознает ее и ищет выход, который должен привести его в мир света» [7].

По замечанию Н.С.Павловой, «слишком просто трактовать „Под колесами“ как одно из многих в те годы произведений о школе, калечащей душу ребенка. <...> Конфликт между учеником и учителями у Гессе не обозначен столь резко. Как и позже, у этого писателя дело вообще не в конфликтах, разыгрывающихся во внешней реальности – их у него порой и найти трудно, – а именно в отношении героя к миру и собственно-му „Я“» [8].

Теодоре Зиолковский утверждает, что идея возрождения в философии истории Гессе связана с влиянием работ Ницше [9]. Во время написания романа «Под колесами» Гессе находится под впечатлением «Рождения трагедии из духа музыки» Ницше, где центральной идеей является возрождение в искусстве, соединяющем аполлоническое и дионисийское начало [10]. Ницше говорит о возрождении как об индивидуализации разорванного на куски титанами Диониса Загрея [11]. В мотивах «второго рождения» романа «Под колесами» соединяются греческая мифология, мистические представления гностицизма и философские идеи буддизма – писатель происходил из семьи пиетистов, его родители были долгое время миссионерами в Индии, культурой Востока занимался дед писателя.

Идея «второго рождения» в романе «Под колесами», на наш взгляд, близка мыслям об освобождении, которые юный Гессе, будучи «для исправления» помещен в штеттенский интернат для душевнобольных и эпилептиков, высказывает в письмах к отцу. 14 сентября 1892 г. Герман пишет о том, что видит для себя выход в самоубийстве или в побеге. Сын просит отца дать ему револьвер: «После того, как Вы создали мне безвыходное положение, вы, верно, готовы к тому, чтобы избавить меня от него, а себя от меня. Собственно, я еще в июне должен был околоть». Герман высказывает сожаление о том, что «в прежние времена было легче уйти прочь» (fortkommen): «Сейчас сложно пробиться (durchkommen) без свидетельства, паспорта, etc.» [12]. Глагол „durchkommen“ здесь можно считать смысловым аналогом глагола „durchrutschen“ (*проскользнуть, пройти*), который используется в немецком языке в значении рождаться, проходить через родовые пути. Акцент на этом значении слова делает в 1929 г. Отто Ранк в своей работе «Травма рождения» [13]. Позже в «Краткой автобиографии» Гессе определит смысл своего предполагаемого «второго рождения» – стать поэтом: «Дело обстояло так: в тринадцать лет мне было ясно, что я хочу стать или поэтом, или вообще никем» [14].

«Второе рождение» героя Гессе в романе «Под колесами» характеризует модернистская амбивалентность жизни и смерти, веры и сомнения. В романе Гессе утверждение о том, что «жизнь сильнее смерти, а вера крепче сомнения» [15] представлено в развернутой авторской речи как абстрактное рассуждение об отличии религии-науки от религии-искусства, но общему закону жизни противопоставлена «частная», индивидуальная смерть, в силу чего трагический пафос становится основным в произведении. Инесс Грёппер устанавливает в своей работе дуальные оппозиции аполлонического мира отца и дионисийского мира матери, отношения которых обуславливают процесс индивидуализации героя. Крах героя заключается в его неспособности сознательно перебороть как аполлоновские, так и дионисийские тенденции [16].

Центральным мотивом «второго рождения» здесь является мотив *колеса / креста*, что отражено уже в самом названии произведения – „Unterm Rad“ («Под колесами»). Основная мифологема, связанная с крестом, подчеркивает, что человек (или божество), висящий на кресте и раскинувший руки по сторонам, умирает, чтобы через крестные мучения и крестную смерть возродиться к новой (вечной) жизни. На синонимичность *колеса* и *креста* как символов «второго рождения» указывает Отто Ранк в работе «Травма рождения» [17].

Мотив креста связан с именем главного героя: Клаус отмечает, что имя *Hans* восходит к *Johannes* и, таким образом, связано с Иоганном Крестителем [18]. Лексема *Kreuz* в оригинальном тексте романа присутствует в описании маульброннского монастыря как часть слова *Kreuzgang* (крытая галерея монастырского двора). Связь с символикой креста возникает в упоминании истории о святом Христофоре (Христофор – в пер. с гр. букв. «христоносец») [19] – Ганс слышит ее, проходя по улице Дубильщиков (Gerbergau) из уст Лизы Нашольд, рассказывающей легенду детям. Если, согласно „Золотой легенде“ Иакова Ворагинского, святой Христофор переносит младенца Христа через реку, то в романе Гессе Ганс Гибенрат, оставшись один, находит в реке свою смерть. Мотив креста возникает также при описании мертвого Ганса: автором-повествователем отмечается, что на руках и лбу мальчика «виднелись синева-красные ссадины», сопоставимые со стигматами Христа: „An Stirn und Händen war die haut ein wenig bläulichrot abgeschürft“ [20].

Мотив *колеса* у Гессе связан с буддистской мифологией. Эльга Эссельборн-Крумбигель в книге комментариев к роману говорит о том, что символика колеса здесь связана с буддистским представлением о *колесе жизни* (бхавачакре) [21], символизирующем бесконечность перерождений. Впервые *колесо* возникает в романе Гессе как погнутое („verbogen“) и сломанное („zerbrochen“) «маленькое колесо игрушечной мельницы» (*das kleine hölzerne Wasserrädchen*) (дословно – «маленькое деревянное мельничное колесико»). Сломанное колесо символизирует здесь разрушение космоса, устройства мира, в котором рождение сменяется смертью, а смерть новым рождением, что изначально является предвестием краха героя. С другой стороны, неспособность героя исправить колесо свидетельствует о его неспособности преодолеть цепь новых рождений. Сло-

манное колесо становится для героя не знаком жизни, а знаком смерти, «дурной бесконечностью». Изучая новый греческий язык, он попадает в «круг искателей правды» (*in den Kreis der Wahrheitssucher*). Эфор в семинарии, заметив ухудшение в учебе мальчика и желая предостеречь его от дружбы с «опасным гением» Гейльнером, предупреждает: „Nur nicht matt werden, sonst kommt man unters Rad“ [22] // «Крепись, а то попадешь под колеса» [23], и в этом предупреждении также акцентируется семантика смерти. При встрече с Эмой из Гейльбронна Ганс чувствует себя «точно улитка на краю дороги, задетая колесом телеги» [24] (*wie eine vom Wagenrad gestreifte Wegschnecke*) [25]. Наконец, становясь механиком и попадая в кузницу, Ганс получает задание обточить колесико для башенных часов. От утомительной физической работы у Ганса ноют руки и спина, горят ладони. Едва он заканчивает первое колесико, мастер велит ему приняться за второе, герой не в силах гармонизировать разрушенный мир, для него это бесконечный «сизифов труд».

Разрушение «колеса жизни» осмысливается в романе как разрыв связи между *отцом и сыном*, выражающийся в повествовании уже на уровне синтаксиса. Исполненному сарказма рассказу об отце противопоставляется философски отстраненное, задумчивое и все же полное сочувствия описание сына. Переход от «отца» к «сыну» маркируется односоставным, кратким предложением „Genug von ihm“ [26] // «Однако хватит о нем» [27], которое не соединяет два пассажи, а сигнализирует резкий обрыв одного и столь же резкий переход к другому. Контраст между отцом и сыном выражен в характеристике их речи и в поведенческих характеристиках. Разрушение единства отца и сына наиболее отчетливо проявляется в финале романа. Последнюю ночь Гибенрат-старший проводит без сна возле уснувшего вечным сном Ганса. Здесь возникает *закрытая дверь* – деталь, выражающая окончательный разрыв связи между Отцом и Сыном: Йозеф Гибенрат время от времени смотрит на мертвого ребенка сквозь щель в двери (Türspalte).

Метафора *света*, символизирующего любовь отца и сына, не проявлена в эпизодах, характеризующих их отношения. Слабо представлена и метафора *взгляда*, которая передает не связь и единство, а отстраненность и отчуждение по отношению к сыну. В странных испытующих взглядах Йозефа, которые он бросает на Ганса после его возвращения из интерната, читается смесь любопытства и страха, испытываемых перед возможным психическим заболеванием Ганса. Метафора *отражения* передает не семантику возрождения отца в сыне, а «инакость» сына, контраст между Йозефом и Гансом (Иосиф – земной сын Христа). «Особенность» Ганса, его непохожесть на отца воспринимаются всеми, в том числе и Йозефом Гибенратом, как свидетельство избранности, способности ко «второму рождению». «Отмеченность» во внешнем облике героя подчеркивается в начале романа в экспозиции действующих лиц и в его конце при описании умершего героя, что создает своеобразную рамку романа, внутри которой Ганс воспринимается как мессия. В первой главе повествователь, характеризуя героя, отмечает: «Стоило только понаблюдать за ним в кругу сверстников, как сразу бросались в глаза его благородство, какая-то обособленность» [28]. В конце последней главы также подчеркивается, что Ганс был «как будто каким-то особенным и имел прирожденное право на иную судьбу, чем все остальные» [29].

Аполлоническая линия развития героя предполагает его «второе рождение» как рождение «теоретического человека»: родившийся в провинциальном маленьком городке сын «мелкого маклера и торгового агента» должен постигнуть науки и стать учителем и священником, принеся в жертву тягу к природе, друзей и детские развлечения и разорвав связь с отцом и родным городом. Аполлонический новый мир – это текст. Пастор говорит о доселе неизвестном Гансу греческом языке Нового Завета как о «новом мире»: „Das wichtigste Neue ..., was du dort erleben wirst, ist die Einführung in das neutestamentalische Griechisch. Es wird dir eine neue Welt damit aufgehen, reich an Arbeit und Freude“ [30] // «Существенно новое, с чем ты там столкнешься... - это греческий язык Нового Завета. Перед тобой откроется целый мир, полный трудов и радости» [31].

Мир аполлонического слова – это мир науки. Переход в «новый мир» языка сопоставим с переводом (Übersetzen). С пребыванием Ганса в интернате актуализируется мотив *спасителя*, выраженный в «отмеченности» героя. «Отмеченность» во внешнем облике, характерная для мессии, в особенности культивируется в стенах маульброннской духовной семинарии: воспитание в семинарии определяется автором как «тонкий и надежный способ клеймления» (*eine feine und sichere Art der Brandmarkung*), по которому семинариста впоследствии всегда легко узнать, «как бы долго он потом ни прожил».

В романе Гессе идея аполлонического «второго рождения» выражается через мотивы *экзамена, железнодорожного путешествия, пребывания на чужбине и сна*. Кульминированным выражением аполлоновского «второго рождения» является состояние Ганса, когда он получает известие о зачислении в духовную семинарию: «Ганс выскочил на улицу, голова у него шла кругом. Базарная площадь была залита солнцем, липы стояли на своих местах, все было как всегда, но Гансу все казалось необыкновенно красивым, каким-то значительным, радостным» [32]. Ганс одинок, поскольку связь с Богом, Отцом и Учителем разорвана: стремление ко «второму рождению» в духовной сфере оборачивается для него крахом.

Дионисийское «второе рождение» есть восстановление «разрушенного колеса» через вторичное переживание детства. Пауль Мог говорит о детстве как о естественном, природном состоянии героя [33]. Природа воплощает в романе «Под колесами» дионисийское начало, отождествляемое с умершей матерью героя. Солнечный свет впервые возникает в тот момент, когда Ганс приходит на реку, и всегда сопровождает Ганса

во время его пребывания на природе. Однако в речи автора-повествователя подчеркивается призрачность «второго детства» (*zweite Kindheit*) героя, связанная с его болезнью: «Так и случилось, что рано созревший юноша в период своей болезни пережил второе, призрачное детство» [34].

«Второе рождение» в дионисийской линии романа предполагает возрождение в любви (*платонической дружбе*) и творчестве, передающееся при помощи глаголов *sich verwandeln* (*обратиться; перевоплотиться, перевоплощаться; переродиться; превратиться; преобразиться; трансформироваться*), *sich verändern* (*измениться; меняться; перемениться*). В мотиве любви присутствует как значение возрождения (поиска себя в другом и связи с другим), так и значение смерти (осознания невозможности единства с другим). Герой стремится обрести дионисийское единство с объектом любви, но, находясь под влиянием аполлонического начала, всякий раз устанавливает границу по отношению к нему. Амбивалентный мотив любви связан с мотивами воды (*рыбы*) и вина (*яблок*).

В романе «Под колесами» река, как антитеза «отцовскому» миру школы, символизирует «материнское» начало. Однако любовь героя есть созерцание, лишённое обладания: мать Ганса мертва; из-за «гонки с учебой» отец отбирает у мальчика удочку – теперь он может только наблюдать за рыбой, прикармливая ее на хлебные шарики. Если в пору детства Ганс часто плавал на плотках, то, придя к реке перед отъездом на экзамен в Штутгарт, он лишь представляет себе это плавание. Вода сопровождает Ганса Гибенрата на протяжении всей его короткой жизни до самой смерти, с ней связаны воспоминание о первой любви Ганса к дочери управляющего Гесслера, первое сближение Ганса Гибенрата и Германа Гейльнера, дружба Ганса с одаренным и развитым не по годам хромоногим мальчиком Германом Рехтенгейлем, первое упоминание о дружеских чувствах к школьному товарищу Ганса Августу. С мотивом платонической дружбы у Гессе связан мотив творчества. Фигура Августа соотносится в романе с ремеслом, а фигура Германа Гейльнера с поэзией. Как ремесло, так и поэзия являются соединением аполлонического и дионисийского начал, однако Ганса не увлекает ни одна из форм творческого самовыражения. Герой слишком робок для творчества и слишком слаб для ремесла: испещренный рисунками атлас Гейльнера ужасает его, а предложенная Августом работа в кузнице доводит до физического истощения.

Август вовлекает героя в дионисийскую стихию бражничества: после первой рабочей недели Ганса его друг уговаривает бывшего семинариста присоединиться к попойке подмастерьев. Однако Ганс не дает увлечь себя стихии опьянения: несмотря на протесты Августа Гибенрат покидает товарищей по ремеслу и в одиночку отправляется домой.

У Гессе мотив вина связан с мотивом яблок – приготовление яблочного сидра (*Most*) и праздник урожая яблок являются лейтмотивом последней части романа. Яблоко в мифологии символизирует бессмертие и обновляющую силу (яблоки Гесперид в греческом мифе о Геракле, яблоки Идунн в Младшей Эдде) [35]. В данном случае яблочный сидр можно соотнести с мифологическим *напитком бессмертия*, вкушение которого приносит вечную жизнь. На празднике урожая яблок во время приготовления сидра Ганс впервые видит племянницу Флайга Эмму из Гейльбронна. Знаком возможным *соединения* героев становится стакан яблочного вина – Эмма сначала отпивает из него сама, а затем протягивает его Гансу, он дважды осушает стакан из ее рук. Однако любовь Ганса связана одновременно с «яркими надеждами» и «робким страхом сомнения», что выражается в символике воды: противоречивость чувств героя сравнивается с «бурлящим родником» (*einem dunklen auftreibenden Quell*). Дионисийский мир чувственных переживаний чужд Гансу: если поведение Эммы является воплощением жизнелюбия, то у Ганса получается «такое выражение лица, будто только что кто-то умер» [36].

Сцена у реки перед гибелью Ганса соответствует нищенскому описанию соединения сна (аполлоновское начало) и опьянения (дионисийское начало), в котором рождается греческая трагедия: «В дионисическом опьянении и мистическом самоотчуждении, одинокий, где-нибудь в стороне от безумствующих и носящихся хоров, падает он, и вот аполлоническим воздействием сна ему открывается его собственное состояние, то есть его единство с внутренней первоосновой мира в символическом подобии сновидения» [37]. У Гессе единственной доступной для героя формой соединения аполлонического и дионисийского начал становится смерть.

По мнению Йозефа Милека, «обстоятельства смерти молодого человека остаются принципиально невыясненными: открытым остается вопрос о том, что стало причиной его гибели – давление и непонимание окружающих, собственная слабость героя или душевное смятение, сопутствующее взрослению. Неясным также остается, находит ли он смерть в опьянении или сам лишает себя жизни» [38]. Обвинительные слова Флайга, сказанные им в адрес учителей, его самообвинение, высказанное отцу («Прозевали мы мальчика!»), становится этической постановкой вопроса о праве общества на жертву индивида.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гессе Г. Под колесами / пер. с нем. Вс. Розанова) / Г. Гессе // Собр. соч. в 8 т. - М.; Харьков, 1994. Т. 1.; Hesse H. Ausgewählte Werke. Fankfurt am Main, 1994. B. 1.
2. Kuhn H. Kommentar // Hesse, Hermann. Unterm Rad. Roman mit einem Kommentar von Heribert Kuhn, Frankfurt am M., 2002. S. 238.

3. Wende W. Die Schule ist die einzige moderne Kulturfrage, die Ich ernst nehme“. Zur Relation zwischen literarischen Texten und sozio-kulturellen Erfahrungsräumen am Beispiel von Hermann Hesses Schulgeschichte „Unterm Rad“ (1905) // Hermann Hesse und die literarische Moderne. Aufsätze und Materialien. Frankfurt am Main, 2004. S. 202 – 223.
4. Grotzer P. Die zweite Geburt. Figuren des Jugendlichen in der Literatur des 20. Jahrhunderts. Band I Arthur Rimbaud, James Joyce, Robert Musil, Hermann Hesse, Jean-Paul Sartre, J. D. Salinger, Ulrich Plenzdorf, Georges Bernanos, Joseph Roth. Zürich, 1991.
5. Mog P. Opfertode. Hesses *Unterm Rad* und die literarische Schulkritik der Jahrhundertwende. // Hermann Hesse 1877-1962-2002 Tübingen, 2003. S. 13 – 25.
6. Klaus, J. Grenze und Halt. Der Einzelne im „Haus der Regeln“. Zur deutschsprachigen Internatsliteratur. Heidelberg, 2003.
7. Grotzer P. Op. cit. S. 86, 97.
8. Павлова Н.С. Вступительная статья / Н.С. Павлова // Гессе Г. Указ. соч. С. 8.
9. Ziolkowski Th. Hesses Geschichtephilosophie // Hermann Hesse und die literarische Moderne. Aufsätze und Materialien. Frankfurt am Main, 2004. S. 77.
10. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше. – СПб. - 2005. - С. 68.
11. Mileck J. Hermann Hesse. Dichter, Sucher, Bekenner. Biographie. München, 1979. S. 40.
12. Erläuterungen und Dokumente. Hermann Hesse „Unterm Rad“ von Elga Esselborn-Krumbiegel. Stuttgart, 1995. S. 64.
13. Rank O. „Das Trauma der Geburt und seine Bedeutung für die Psychoanalyse“. Frankfurt am Main, 1988, S. 144 – 145.
14. Erläuterungen und Dokumente. Hermann Hesse „Unterm Rad“. S. 69.
15. Гессе Г. Указ. соч. С. 190.
16. Gröppler I. Individuation und absolute Ordnung im epischen Werk von Hermann Hesse. Marburg. 2001. S. 43.
17. Rank O. Op. cit. S. 144 – 145.
18. Klaus J. Op. cit. S. 242.
19. Мифы народов мира: энциклопедия. - М., 2003. - Т. 2. - С. 604.
20. Hesse H. Op. cit. S. 318.
21. Erläuterungen und Dokumente. Hermann Hesse „Unterm Rad“. S. 7.
22. Hesse H. Op. cit. S. 245.
23. Гессе Г. Указ. соч. С. 237.
24. Там же. С. 270.
25. Hesse H. Op. cit. S. 259.
26. Ibid. S. 158.
27. Гессе Г. Указ. соч. С. 162.
28. Гессе Г. Указ. соч. С. 162.
29. Гессе Г. Указ. соч. С. 299.
30. Hesse H. Op. cit. S. 191.
31. Гессе Г. Указ. соч. С. 190.
32. Гессе Г. Указ. соч. С. 181.
33. Mog P. Op. cit. S. 20.
34. Гессе Г. Указ. соч. С. 258.
35. Энциклопедия «Мифы народов мира». - М., 2003. Т. 1. - С. 298 – 299.
36. Гессе Г. Указ. соч. С. 273.
37. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. - СПб., 2005. - С.49.
38. Mileck J. Op. cit. S. 40.